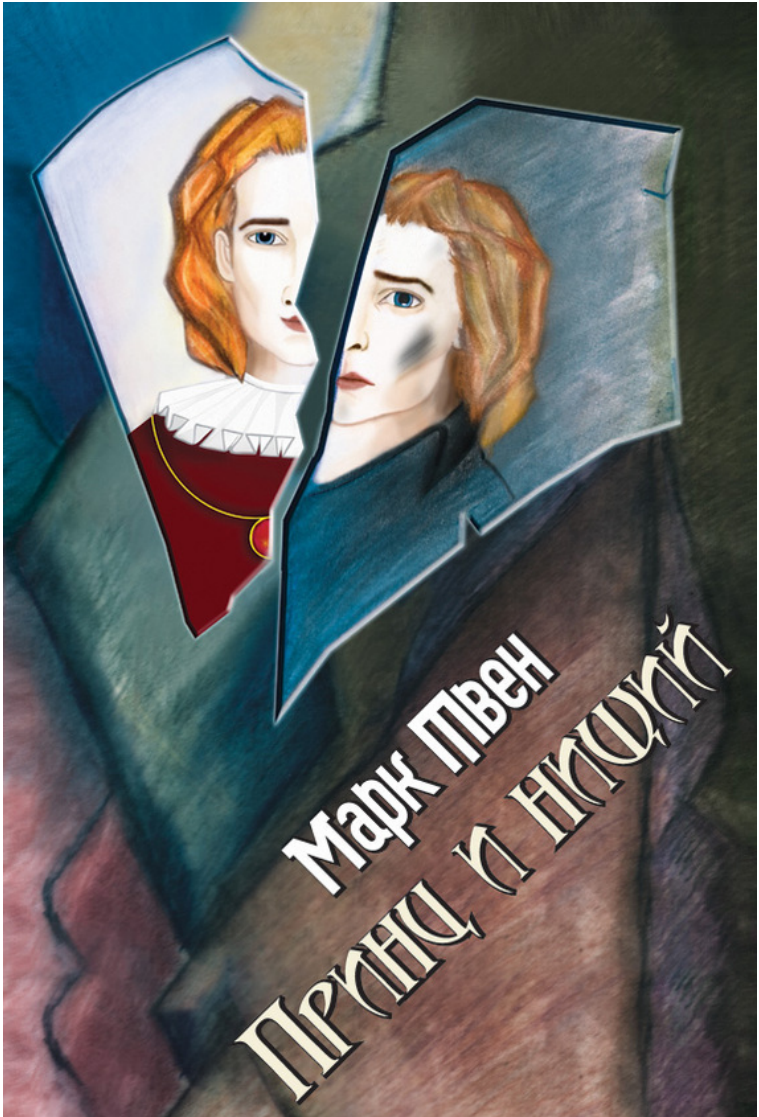

Марк Твен
Принц и нищий

Марк Твен
Принц и нищий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314456
Марк Твен. Принц и нищий: РИМИС; Москва; 2013
ISBN 978-5-9903348-6-1
Оригинал: MarkTwain, "The Prince and the Pauper"
Перевод:
Иероним Иеронимович Ясинский

Аннотация

Молодой принц, наследник английского престола, желая «немного поразвлечься», меняется местами с похожим на него как две капли воды нищим. Очень скоро принц понимает, что жизнь бедного мальчика из трущоб совсем не так беззаботна, как он себе представлял, однако совершить обратное «превращение» оказывается не так-то просто.

Принцу предстоит взглянуть изнутри на свое королевство и заново заслужить уважение своих подданных, на этот раз поступками, а не происхождением.

Содержание

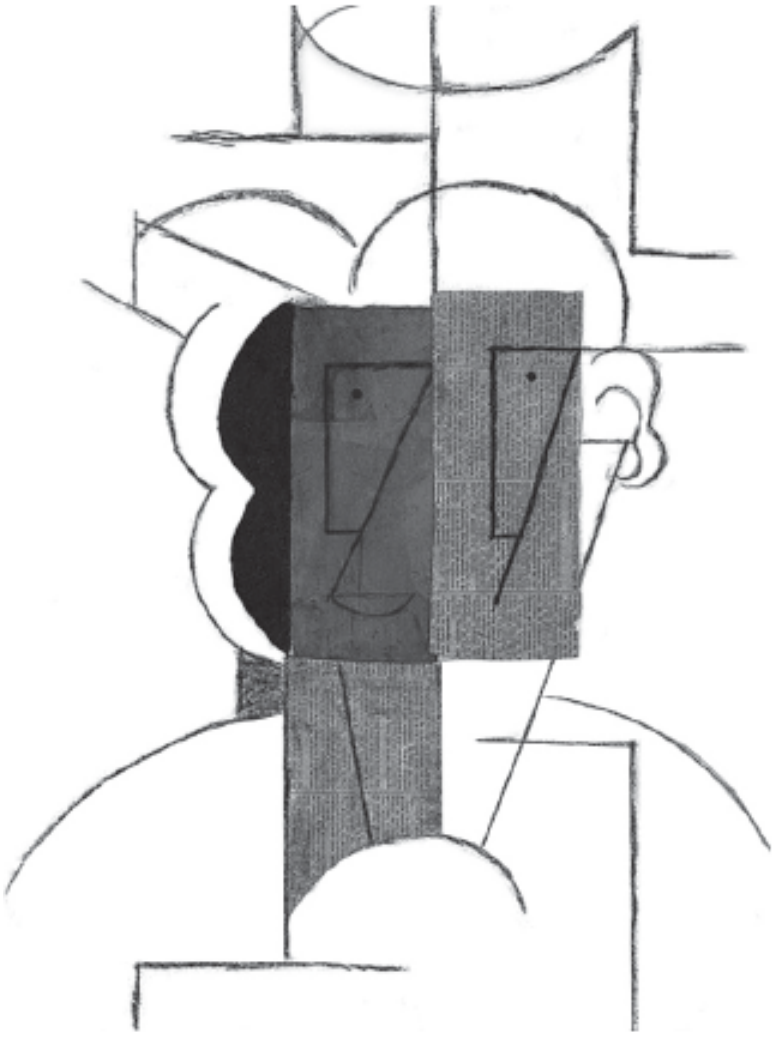
Предисловие автора	7
Глава I	8
Глава II	10
Глава III	17
Глава IV	27
Глава V	33
Глава VI	44
Глава VII	56
Глава VIII	62
Глава IX	66
Глава X	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Марк Твен
Принц и нищий

…Благословенье в милости
Сугубое: она благословляет
Тех, кто дает и кто берет ее.
Сильней всего она в руках у сильных;
Она – царям приличнее венца.

Шекспир «Венецианский купец»

Текст печатается по изданию: Марк Твен «Принц и нищий. Жанна д'Арк»: Сборник: Пер. с англ. – СПб: Издательство «Logos», 1997. – 798 с, ил. (Б-ка П. П. Сойкина.)



Фрагмент работы Пабло Пикассо «Голова мужчины в шляпе».

За помощь в работе над книгой издательство РИМИС выражает глубокую признательность сотрудникам Государственного учреждения культуры г. Москвы «Центральная городская детская библиотека имени А.П. Гайдара»: директору Татьяне Юрьевне Калашниковой, заместителю директора Наталье Александровне Масловой и заведующей сектором Ольге Петровне Семеновой.

Предисловие автора

Я расскажу вам одну сказку, как мне рассказывал ее человек, слышавший ее от своего отца, который слышал ее от своего отца, а тот – от своего, и так далее. Лет триста и более переходила она от отца к сыну и таким образом дошла и до нас. То, что в ней рассказывается, – быть может, история, а может быть – легенда, предание. Быть может, все это было, а может быть, и не было; но – могло быть. Быть может, мудрые и ученые верили в старину этой сказке; а может быть, только неученые и простодушные верили ей и любили ее.

Марк Твен

Глава I
Рождение принца и нищего

В древнем городе Лондоне, в один осенний день второй половины шестнадцатого столетия, в бедной семье по фамилии Канти родился ребенок – мальчик, которому ни кто не был рад. В тот же самый день в знатной семье Тюдоров родился другой английский мальчик, которому все были рады и которого давно желали и ждали. Вся Англия его ждала. Англия так страстно ждала его, так надеялась на его появление, так горячо вымаливала его у Бога, что когда он наконец появился на свет, народ чуть не обезумел от радости. Люди, почти не знакомые между собой, встречаясь на улицах, обнимались, целовались и плакали от восторга. Этот день был для всех настоящим праздником: знатный и простолюдин, богач и бедняк, – все пировали, плясали, пели и пили на радостях. Так продолжалось несколько дней и ночей. Днем любо было взглянуть на Лондон с его развевающимися на всех балконах и крышах пестрыми флагами и с пышными, торжественно выступающими по улицам процессиям. Ночью зрелище тоже стоило того, чтобы на него посмотреть: на всех углах и перекрестках пылали яркие потешные огни, а кругом теснились толпы ликующего народа. Во всей Англии только и было толков, что о новорожденном Эдуарде Тюдоре, прин-

це Валлийском; а он тем временем лежал себе преспокойно в шелке и в атласе, не подозревая даже, какой он вызвал переполох, и совершенно равнодушно глядел, как вокруг него теснились и как с ним нянчились знатнейшие лорды и леди. Но никто в целой Англии не говорил о появлении на свет Божий другого мальчика – Тома Канти, который лежал, завернутый в свои жалкие лохмотья, – никто, кроме семьи бедняков, для которых его появление было только лишней обузой.

Глава II
Детство Тома

Прошло несколько лет.

В ту пору Лондон насчитывал уже пятнадцать столетий своего существования и для того времени был большим городом. В нем числилось свыше ста тысяч жителей. Улицы были узкие, кривые и грязные, особенно в той части города, где жил Том Канти, не далеко от Лондонского моста. Дома большею частью были деревянные, причем второй этаж выступал над первым, а третий над вторым, так что чем выше становились дома, тем они больше раздавались вширь. Остовы домов строились из толстых, крест-накрест сложенных балок, промежутки закладывались прочным строительным материалом и покрывались штукатуркой, а сами балки красились по вкусу владельцев, в красную, синюю или черную краску, что придавало домам очень живописный вид. Окна делались узкие; рамы – с мелким косым переплетом и такими же мелкими стеклами, – отворялись наружу, на петлях, как двери.

Дом, в котором жил отец Тома, помещался в грязнейшей трущобе, именуемой Оффаль-Корт, за Пудding-Лэном. Это была небольшая, полуразвалившаяся лачуга, битком набитая бедняками. Семейство Канти занимало комнату на тре-

тьем этаже. В углу у отца с матерью было прилажено нечто вроде постели; что же касается Тома, его бабушки и двух сестер, Бетти и Наин, то они не были так ограничены в своих владениях, как супруги Канти: в их распоряжении оставался весь пол, и они могли спать, где им заблагорассудится. Им же принадлежали обрывки двух-трех одеял и несколько охапок старой полусгнившей соломы; но при всем желании этот хлам никак нельзя было назвать постелями. На день все это сваливалось куда-нибудь в угол, в одну общую кучу, а на ночь разбиралось младшими членами семьи для спанья.

Бетти и Нани были пятнадцатилетние девочки, близнецы-подростки, добрые, но изумительно грязные и оборванные, и притом круглые невежды. Точь-в-точь такая же была их мать. Зато отец с бабушкой были сущие дьяволы. Они напивались при всяком удобном случае и пьяные вечно дрались между собой или с кем придется; и пьяные, и трезвые, оба только и делали, что ругались. Джон Канти жил воровством, бабушка нищенством, из детей они сделали нищих, хотя при всем желании им не удавалось сделать из них воров. Среди отребья, наполнявшего дом, жил старый добряк священник, отставленный королем от службы с пенсией в несколько фартингов. Он часто зазывал к себе ребятишек и потихоньку наставлял их добру. Таким образом отец Эндрю выучил Тома грамоте и немного латыни; он охотно выучил бы и девочек чему мог, но те наотрез отказались учиться, боясь своих подруг, которые, само собой разумеется, подня-

ли бы их на смех за такую нелепую затею.

Весь Оффаль-Корт был, в сущности, таким же вертепом, как и жилище семейства Канти. Пьянство, брань, буйство и ссоры повторялись здесь изо дня в день, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Пробитые головы ни для кого не были в диковинку, как был не в диковинку и голод. И, однако, Том не был несчастным ребенком. Правда, иной раз ему приходилось очень круто, но он этого не сознавал: всем мальчикам Оффаль-Корта жилось не лучше, и Том думал, что это в порядке вещей. По вечерам, когда мальчик возвращался с пустыми руками, он уже знал наперед, что отец непременно изругает и отколотит его, да и бабушка не даст ему спуску; он знал, что ночью, когда все уснут, его вечно голодная мать проберется к нему в темноте и сунет ему потихоньку черствую корку или какие-нибудь объедки, которые она, урвав от себя, приберегла для него, несмотря на то, что уже не раз уличалась в такого рода изменнических поступках и терпела за это нещадные побои от мужа.

Нет, Том далеко не был несчастлив: он даже довольно весело проводил время, особенно летом. Он просил милостыню ровно настолько, чтобы избежать побоев, так как законы против нищенства в то время были очень строги, а наказания тяжки. Большую часть времени он проводил, слушая чудные рассказы отца Эндрю: старинные легенды о великанах и феях, о карликах и чародеях, о волшебных замках и о могущественных принцах и королях. Голова мальчика бы-

ла полна всех этих чудес, и часто по ночам, лежа в темноте на жесткой соломе, измученный, усталый, голодный и избитый, он забывал боль и горе, уносясь воображением в волшебную страну роскошных дворцов, населенных великолепными принцами. Понемногу им овладело страстное желание, преследовавшее его днем и ночью, – желание во что бы то ни стало увидеть собственными глазами настоящего принца. Он попробовал даже заговорить об этом со своими приятелями, оффаль-кордскими мальчишками, но те только подняли его на смех, и Том никогда и никому больше об этом не заикался. Он часто зачитывался старинными книгами священника и просил доброго старика растолковать ему непонятные места. Мало-помалу чтение и постоянные мечты произвели в нем заметную перемену: он стал стыдиться своих грязных лохмотьев, и у него появилось желание одеваться опрятнее и лучше. Правда, он по-прежнему охотно играл и валялся в грязи; но теперь, плескаясь и болтаясь в Темзе, он делал это не только ради забавы, но еще и потому, что эти купания делали его чище.

Том умел находить себе и другие забавы, то в Чипсайде, где у майского шеста часто проводились призовые игры, то где-нибудь на ярмарке. Иногда ему удавалось вместе с остальным Лондоном полюбоваться военным парадом; обыкновенно это случалось, когда какой-нибудь неудачно прославившийся бедняк препровождался в Тауэр сухим путем или водою. Однажды летом ему удалось даже видеть в

Смитфильде сожжение на костре несчастной Анны Аскью и с нею еще трех человек и слышать обращенную к осужденным проповедь какого-то отставного епископа, которою, впрочем, Том нисколько не интересовался. Да, в общем, жизнь Тома шла довольно весело и разнообразно.

Постепенно чтение и мечты так сильно овладели воображением мальчика, что он невольно стал и сам изображать из себя принца. Его манеры и речи сделались уморительно важными и церемонными, к великому изумлению и восторгу его приятелей-мальчишек. Однако влияние его на юный оффаль-кордский народ росло с каждым днем, и скоро ребятишки стали смотреть на него, как на какое-то чудо, как на высшее существо. Да и как же иначе? Он так много знал, делал и говорил такие изумительные вещи, был такой умный и ученый! Изречения Тома, выходки Тома были у всех на устах; ребята спешили сообщить их старшим, и скоро старшие тоже заинтересовались Томом и стали смотреть на него, как на поразительно одаренного, необыкновенного ребенка. Взрослые люди стали приходить к нему советоваться и зачастую диву давались его разумным и толковым ответам. Таким образом, Том сделался настоящим героем для всех, кто его знал, кроме домашних, которые не находили в нем ничего необыкновенного.

Вскоре мальчик составил себе помаленьку целый королевский двор. Разумеется, он был принцем, а его друзья изображали телохранителей, камергеров, конюших, при-

дворных, лордов и леди и членов королевской фамилии. Каждый день поутру самозванного принца встречали по церемониалу, вычитанному Томом из книг; каждый день в совете, который он учредил, обсуждались государственные дела несуществующего королевства, и каждый день его высочество, мнимый король, отдавал приказы своим воображаемым войскам, флоту и наместникам.

Затем самозванный король, принц в лохмотьях, отправлялся в свой обычный поход за подаянием в несколько фартингов; вернувшись домой, глодал свою черствую корку, выносил обычные пинки и побои и во сне, растянувшись на жесткой соломе, наслаждался своим воображаемым величием. Между тем страстное желание Тома хоть разок увидеть своими глазами настоящего принца не только не покидало его, но разрасталось изо дня в день, с часу на час, так что наконец поглотило в нем все другие желания и помыслы и сделалось его единственной мечтой.

В один январский день, во время своих обычных скитаний за подаянием, Том, босой и продрогший, уныло бродил уже несколько часов кряду вокруг Минсинг-Лэна и Литль-Ист-Чипа, с завистью поглядывая на окна бакалейных лавок и мечтая о соблазнительных пирожках с ветчиной и о других восхитительных лакомствах, выставленных в окнах для соблазна рода человеческого. Все эти прелести казались ему доступными разве только для ангелов, – по крайней мере, насколько он мог судить по запаху: вкуса подобных соблаз-

нительных вещей Том не знал, потому что ему еще ни разу не выпадало счастье попробовать их.

На дворе моросил холодный дождь; день был печальный, пасмурный, туманный. К вечеру Том вернулся домой такой промокший, измученный и голодный, что даже отец с бабушкой пожалели его – по-своему, конечно, – и, наскоро угостив его тумаком в спину, отправили спать. Голод, усталость, ссоры и шум в доме долго мешали Тому уснуть, пока разыгравшееся воображение не унесло его наконец далеко в волшебную страну, и он уснул в обществе принцев, с ног до головы разодетых в золото и драгоценные камни. Принцы жили в роскошном дворце, и им с низкими поклонами прислуживало множество слуг, чуть не на лету подхватывавших и исполнявших каждое их приказание.

Итак, Том уснул, и ему, как обычно, приснилось, что он-то и есть маленький принц.

Целую ночь Том упивался своим величием, ходил по роскошным, светлым залам, окруженный толпой знатных лордов и леди, вдыхая чудные ароматы, слушал волшебную музыку и на почтительные поклоны расступавшейся перед ним толпы отвечал то благосклонной улыбкой, то царственным наклоном головы.

Утром, когда он проснулся и увидел окружавшую его нищету, действие его сонных грез не замедлило сказаться: жизнь показалась ему во сто крат горше. Сердце его больно сжалось, и он залился слезами.

Глава III
Том встречает принца

Том проснулся голодный и холодный и вышел из дома с головой, отуманенной призрачным великолепием его ночных грез. Он рассеянно брел по улицам, сам не зная, куда идет, и ничего не замечая кругом. Прохожие толкали и бранили его, но мальчик так углубился в свои размышления, что ничего не видел и не замечал. Он дошел, наконец, до Темпль-Бара. В своих скитаниях Том никогда еще не заходил дальше этого места. Он на минуту приостановился, как будто что-то соображая, но сейчас же впал в прежнюю задумчивость и побрел дальше. Скоро он очутился за стенами Лондона. В то время Стрэнд уже не был проселочной дорогой и даже назывался улицей, хотя, надо сознаться, это была довольно странная улица: по одну ее сторону тянулся почти сплошной ряд домов, между тем как по другой стороне были разбросаны на далеком друг от друга расстоянии великолепные дома-громады – дворцы богатой знати, с большими роскошными садами, спускавшимися к реке. Теперь от этих садов не осталось и следа: все они сплошь застроены уродливыми зданиями из камня и кирпича.

Том добрался до деревни Черинг и присел отдохнуть у подножия чудного креста, воздвигнутого в давно прошед-

шие времена одним развенчанным королем; потом он опять лениво побрел по прекрасной тенистой дороге, миновал роскошный дворец кардинала и направился к другому, еще более роскошному и величественному дворцу, – к Вестминстеру. Остолбенев от восторга, Том уставился на это чудо архитектуры, на огромные флигели в виде крыльев, на грозные бастионы и башни, на высокие каменные ворота с золочеными решетками, целым рядом колоссальных гранитных львов и другими символами и атрибутами королевской власти и могущества. Неужели же исполнилась наконец его пламенная мечта? Вот он, королевский дворец. Неужели Господь не поможет ему увидеть принца – живого, настоящего принца?

По обе стороны позолоченных решетчатых ворот стояли, как две живые статуи, вытянувшиеся в струнку, статные, неподвижные часовые, с головы до ног закованные в сверкающую стальную броню. На почтительном расстоянии от них топталась кучка народа – деревенских жителей и горожан – поджидая удобного случая хоть одним глазком взглянуть на кого-нибудь из королевского дома. Богатые экипажи, в которых сидели разряженные господа, а на запятках стояли такие же разряженные слуги, то въезжали, то выезжали в другие роскошные ворота дворцовой ограды.

Бедняжка Том, в своих лохмотьях, робко протиснулся вперед сквозь толпу, со страхом озираясь на грозных часовых, взглянул сквозь позолоченную решетку, и то, что он там увидел, заставило его чуть не обезуметь от радости.

Во дворе, за оградой, стоял красивый, смуглый, статный мальчик. Он был весь в шелке, в атласе и драгоценных каменьях; на боку у него висела маленькая, украшенная алмазами шпага и такой же кинжал; ноги были обуты в прелестные туфельки с красными каблучками, а на голове красовалась изящная малиновая шапочка, с перьями и с алмазным аграфом. Мальчика окружали какие-то нарядные господа, должно быть, его слуги. Вот он, наконец, – принц, настоящий живой принц из плоти, – в этом не могло быть никакого сомнения. Наконец-то сбылась горячая, заветная мечта мальчика-оборванца!

У Тома чуть сердце не выскочило от радости, и глаза широко раскрылись от удивления и восторга. Всякий страх, всякая осмотрительность у него исчезли, уступив место одному страстному желанию: поближе подойти к принцу, хорошенько на него наглядеться. Сам не сознавая, что он делает, Том прижался лицом к золоченой решетке ворот, но в тот же миг один из часовых грубо его оттолкнул, и он кубарем отлетел в толпу зевак.

– В другой раз будь осторожней, бесенок! – сказал часовой.

В толпе поднялся хохот, посыпались остроты. В ту же минуту молодой принц бросился к решетке с пылающим лицом и сверкающими гневом глазами и крикнул:

– Как ты смеешь так обращаться с бедным мальчишкой! Как смеешь быть таким грубым, хотя бы с самым последним

из подданных моего отца! Сейчас же отвори решетку – слышишь? – и впусти его!

Посмотрели бы вы на восторг изменчивой толпы! Посмотрели бы, как полетели в воздух шапки! Послушали бы, каким дружным криком: «Да здравствует принц Валлийский!» – огласился воздух.

Часовые сделали на караул своими алебардами, сейчас же отперли ворота и снова взяли на караул, когда маленький принц нищеты в своих развевающихся лохмотьях бросился навстречу принцу безграничного довольства и роскоши.

– Какой у тебя усталый вид! Ты, верно, голоден? Тебя обидели… Ступай за мной, – сказал Эдуард Тюдор.

С полдюжины человек из присутствующих великолепных джентльменов бросилось было вперед, бог весть зачем, – вероятно, чтобы вмешаться в дело. Но одного царственного движения руки принца было довольно, чтоб они остановились как вкопанные. Между тем Эдуард ввел Тома в роскошную комнату, которую он назвал своим кабинетом. По его приказанию на столе немедленно появилась закуска, какой Том отродясь не видывал. О такой роскоши он знал разве только из своих книжек. Принц с истинно царскою добротою и деликатностью выслал всех слуг, чтобы они своим чопорным присутствием не смущали его оборвыша-гостя; сам же подсел к нему поближе и, пока Том ел, засыпал его вопросами:

– Как тебя зовут, мальчуган?

– Том Канти, сэр… ваша милость.

– Странное имя. Где ты живешь?

– В городе. В Оффаль-Корде, за Пуддинг-Лэном.

– Оффаль-Корд! Престранное название! А родители у тебя есть?

– Не только родители, сэр, но и бабушка, которую я терпеть не могу, – прости мне, Господи! – и сестры-двойняшки, Нани и Бетти.

– Что же, твоя бабушка дурно с тобой обращается, что ли?

– Не со мной одним; она со всеми такая, с вашего позволения, сэр. Презлющая старуха: только и знает, что ругается да дерется.

– Неужели ты хочешь сказать, что она тебя бьет?

– Только тогда и не бьет, когда спит или мертвецки пьяна. А как проснется, так и начнет тузить да таскать за волосы.

– Бьет тебя? – воскликнул принц, и глаза его сверкнули гневом.

– Еще как, сэр!

– Тебя! Такого худенького и маленького… Так слушай: она сегодня же будет в Тауэре. Король, мой отец, прикажет…

– Но вы забываете, сэр, что она простолюдинка, нищая, а в Тауэр сажают только знатных вельмож.

– Да, да, это правда. Я об этом совсем позабыл. Ну, все равно; я это обдумаю, и будь спокоен, уж я придумаю для нее наказание. Хорошо… Ну, а отец у тебя добрый?

– Не добрее бабушки, сэр.

– Должно быть – все отцы одинаковы: у моего отца нрав тоже крутенек. Рука у него претяжелая; только меня он никогда и пальцем не трогает, а бранить – часто бранит, надо признаться… Скажи, а мать у тебя добрая?

– Мать очень добрая, сэр, никогда меня не обижает. Наин и Бетти тоже предобрые девочки.

– Сколько им лет?

– Пятнадцать исполнилось, ваша милость.

– Леди Елизавете, моей сестре, четырнадцать, а кузина, леди Грей, – моя ровесница, и обе прехорошенькие и тоже премилые девочки; зато другая моя сестра, леди Мэри, с ее суровым лицом и… Послушай, разве твои сестры тоже запрещают своим служанкам смеяться, чтобы не погубить свою душу?

– Служанкам! Неужели вы думаете, сэр, что у них есть служанки?

– А разве нет? – спросил принц, с недоумением глядя на своего гостя. – Ведь надо же их раздеть на ночь и одеть поутру, когда они встанут?

– Это еще к чему? Не могут же они спать без платья, как звери?

– Как без платья? Разве на них только и есть одежды, что одно платье?

– А то как же, ваша милость? Да и зачем им больше? Ведь у каждой из них только по одному телу.

– Вот так потеха! Прости, голубчик, я не хотел тебя оби-

деть. Послушай, теперь у твоих сестер будет много-много платьев и всякой одежды: я прикажу, – и мой казначей позаботится об этом. Нет-нет, благодарить тут решительно не за что, это сущие пустяки. Ты преинтересно рассказываешь и очень мне нравишься. Учился ты?

– Не знаю, как и сказать, сэр. Добрый отец Эндрю учил меня кое-чему по своим книгам.

– По-латыни знаешь?

– Кажется, что очень мало, сэр.

– Непременно учись, мальчуган; латынь трудно дается только вначале; греческий – тот гораздо труднее. А вот для моей сестры, леди Елизаветы, и для моей кузины нет, кажется, ничего трудного. Ты бы только их послушал!.. Но расскажи мне лучше об Оффаль-Корде. Весело тебе живется?

– По правде сказать, ваша милость, очень весело, когда я не голоден. Иной раз к нам заходит Петрушка или фокусник с обезьянами, – препотешные, скажу вам, зверьки, и как разодеты! Они представляют войну, дерутся, стреляют, пока не окажутся убитыми все до одного. Преинтересно, и стоит-то всего один фартинг, хотя, поверьте, сэр, заработать фартинг иной раз вовсе нелегкая штука.

– Ну, рассказывай еще что-нибудь.

– Иногда мы, оффаль-кордские ребята, деремся на палках, как настоящие подмастерья.

– Вот чудесно-то! Мне очень нравится! – воскликнул принц с загоревшимися глазами. – Ну, как же вы еще игра-

ете?

– Бегаем взапуски, сэр, кто кого перегонит.

– Это тоже недурно. Еще что?

– Летом плаваем и плещемся в канавах или в реке, сэр; гоняемся вплавь друг за дружкой, брызгаемся водой, ныряем и ловим друг друга, стараясь окунуть в воду, и…

– Вот прелесть! Да я бы отдал все отцовское королевство за одну такую игру! Что же вы еще делаете? Рассказывай поскорей!

– Еще, случается, поем и пляшем вокруг майского шеста в Чипсайде; а то еще роемся в песке, или лепим пирожки из грязи, – вот это так весело! Для игры нет ничего лучше грязи. Уж зато как же мы в ней копаемся, не в обиду будь сказано вашей милости!

– Ах, что за прелесть! Да может ли быть что-нибудь лучше! Кажется, если б я мог обуться да одеться, как ты, да хоть разок – один только разок – так поиграть, – только, конечно, чтобы мне никто не мешал и никто бы меня не останавливал, – я бы охотно отдал свою корону.

– А мне так вот кажется, что если бы мне разок – один только разок – одеться, как вы, ваша милость, я бы просто…

– Тебе этого хочется? Это легко устроить. Снимай свое тряпье и надевай мое платье – слышишь! Правда, это всего на минутку, но я буду так рад! Скорей же, скорей! Надо успеть опять переодеться, пока никто не пришел и не помешал.

Через несколько минут принц Валлийский облекся в грязные лохмотья Тома, а нищий, принц-оборвыш, стоял в блестящем наряде королевского сына. Мальчики подошли к зеркалу, стали рядом и – о диво! – им показалось, что они и не думали меняться платьем. Оторопев, взглянули они друг на друга, опять посмотрелись в зеркало и опять уставились друг на друга.

– Вот так штука! Как тебе это кажется?

– Ах, ваша милость, я не смею сказать. Не заставляйте меня отвечать; право, я не смею.

– Зато я смею и скажу. У тебя совершенно те же волосы, те же глаза, та же фигура, те же манеры, голос, что и у меня; словом, мы друг на друга похожи как две капли воды. Если бы не платье, никто не отличил бы тебя от принца Валлийского. И теперь, когда на мне твои лохмотья, я, право, кажется, еще сильнее чувствую, как оскорбил тебя тот грубый солдат. Это что у тебя на руке? Знак от его удара?

– Да, но это сущий пустяк, не стоит обращать внимание; и знаете ли, ваша милость, бедный часовой не так…

– Молчи! Это был постыдный, жестокий поступок, – крикнул маленький принц, топнув босой ногой. – И если бы король… Постой! Подожди здесь, пока я вернусь, – я тебе приказываю!

С этими словами принц схватил со стола какой-то предмет, поспешно спрятал его, выбежал из комнаты, захлопнул за собою дверь и в своих развевающихся лохмотьях с пылаю-

щим лицом и сверкающими гневом глазами пустился бежать по дворцовым садам. Подбежав к решетке главных ворот, он схватился руками за вызолоченные перекладины и стал их трясти с криком:

– Отопри! Сейчас же отопри, слышишь?

Часовой – тот самый, который толкнул Тома, – немедленно повиновался; но когда принц с яростью бросился на него, он залепил ему такого здоровенного тумака в ухо, что мальчик кубарем откатился на середину дороги.

– Вот тебе, паршивец! Это тебе за то, что мне из-за тебя досталось от Его Высочества, – сказал солдат.

Толпа загоготала. Принц, в грязи, вскочил на ноги и прерывающимся от гнева голосом закричал:

– Как ты смеешь бить принца Валлийского? Да знаешь ли ты, что моя особа священна и что тебя завтра же повесят за то, что ты осмелился поднять на меня руку?

В ответ на эти слова солдат пресерьезно сделал на караул и сказал насмешливым тоном:

– Приветствую Ваше Высочество! – И потом сердито добавил: – Прочь с дороги!.. И чтобы духу твоего здесь не было, шальной постреленок!

Толпа, хохоча, окружила бедного маленького принца и долго гналась за ним по дороге с гиком и криком:

– Дорогу Его Высочеству! Дорогу, дорогу принцу Валлийскому!

Глава IV
Начало бедствий принца

После нескольких часов упорного преследования толпа мало-помалу стала редеть и наконец оставила маленького принца в покое. Пока мальчик был еще в силах яростно отбиваться от своих мучителей, грозить им своим королевским гневом и с царским величием отдавать приказания, до тех пор он служил забавной потехой; но как только силы ему изменили и усталость заставила его замолчать, он потерял для них всякий интерес, и наконец все, один за другим, отстали от него в надежде найти где-нибудь в другом месте более интересную забаву. Как только маленький принц остался один, он осмотрелся кругом, но не узнал местности. Очевидно, он был где-то на окраине Лондона – вот все, что он знал. Он побрел наобум, сам не зная куда; скоро дома́ стали редеть, и прохожих попадалось все меньше и меньше. Мальчик обмыл свои окровавленные ноги в ручье (протекавшем в той местности, которая теперь называется Фаррингтон-стрит), немного отдохнул и снова тронулся в путь. Наконец он очутился на огромном пустыре; здесь было разбросано несколько домов и высилась большая церковь. Принц сейчас же узнал эту церковь. Вся она была заставлена лесами; кругом копошились рабочие – очевидно, шли большие пе-

рестройки. Принц вздохнул свободнее: наконец-то кончатся его мучения!

«Это старая церковь «Серого Братства», которую король, мой отец, отобрал у монахов и отдал под приют для бедных, покинутых сирот; теперь она называется «Церковь Христова», – подумал принц. – Конечно, здесь охотно окажут услугу сыну того, кто облагодетельствовал их на всю жизнь, – тем более что этот сын – такой же несчастный и покинутый, как и те, кто нашел или когда-нибудь найдет здесь приют».

Через минуту принц очутился в шумной толпе мальчуганов; они бегали, прыгали, кувыркались, играли в мяч и в чехарду – словом, забавлялись, кто во что горазд. Мальчики были одеты все одинаково, по моде того времени, установленной для мелких чинов духовного звания и для подмастерьев. У всех на голове были черные, плоские, маленькие, величиною с блюдце, шапочки, в которых не было ни пользы (потому что они были слишком малы и не прикрывали всей головы), ни тем более красоты. Из-под шапочки прямо, без пробора, падали на лоб подстриженные в кружок волосы; шею обхватывал большой воротник в виде брыжей; синий, длинный, до колен, плотно облегающий стан камзол с пышными рукавами, широкий красный кушак, ярко-желтые чулки с подвязками выше колен и открытые башмаки с большими металлическими пряжками довершали этот костюм. Все вместе выходило довольно безобразно.

Мальчики сейчас же бросили играть и обступили принца,

который с врожденным достоинством обратился к ним с такой речью:

– Ребята, ступайте-ка, скажите вашему начальнику, что Эдуард, принц Валлийский, хочет его видеть.

Ответом на эти слова был оглушительный взрыв хохота; один мальчик грубо крикнул принцу:

– Уж не ты ли, оборвыш, посланный Его Высочества?

Принц гневно вспыхнул и сделал движение правой рукой, как будто хватаясь за шпагу, которой, впрочем, не оказалось. Этот жест не ускользнул от мальчиков; вся ватага опять захохотала, а один крикнул товарищам:

– Видели, братцы? Схватился за шпагу, точно настоящий принц!

Эта шутка была встречена новым взрывом смеха. Бедный Эдуард гордо выпрямился.

– Я в самом деле принц, и вам, пользующимся благодеяниями короля, моего отца, стыдно так обращаться со мной.

Хохот сделался оглушительным. Мальчик, который первый заговорил с принцем, крикнул товарищам:

– Эй вы, свиньи, рабы, нищие выкормки царственного его родителя! Что ж вы стоите, разинув рты? На колени, скорей на колени! Кланяйтесь и благодарите принца в лохмотьях!

Вся ватага с гиком и визгом бросилась на колени, насмешливо простирая к мальчику руки. Принц гневно оттолкнул ногой ближайшего.

– Вот тебе! – крикнул он, вне себя от гнева. – Будет с тебя

на сегодня! Завтра тебя повесят!

Это уже переходило границы всякой шутки. Смех разом смолк и в один миг сменился яростью.

Послышались голоса:

– Держите его! В пруд его! Тащи его к водопою! Где собаки? Сюда, Лев! Сюда, Фангс!

Затем произошло нечто неслыханное: плебеи подняли руку на священную особу наследника английского престола и стали травить его собаками.

Когда настала ночь, принц опять очутился в самой населенной части города. Он был весь избит и окровавлен, а лохмотья его – сплошь забрызганы грязью. Он шел все дальше, вперед и вперед, ошеломленный и измученный, еле передвигая от усталости ноги. Он больше ни к кому не обращался с вопросами, зная, что все равно не получит ответа, а только навлечет на себя новую брань. Он шел, повторяя потихоньку: «Оффаль-Корд, Оффаль-Корд… как бы не забыть. Если мне удастся найти это место, пока я еще в силах двигаться, – я спасен. Эти люди, конечно, не откажутся отвести меня во дворец и удостоверить, что я не их сын. Узнают же меня, наконец, и я опять сделаюсь самим собою!» Минутами ему вспоминались побои, которые он вынес недавно в «Приюте Христа», и он говорил себе: «Когда я сделаюсь королем, я дам им не только приют и кусок хлеба, но непременно велю их учить. Для человека мало быть сытым; надо, чтоб у него были разум и сердце. Постараюсь это хорошенько за-

помнить, чтобы нынешний урок не пропал даром ни для меня, ни для моего народа. Только ученье облагораживает человека и делает его добрым и милосердным».

Фонари на улицах слабо мерцали; пошел дождик, поднялся ветер, наступила холодная, ненастная ночь. Бедный бездомный принц, бесприютный наследник английского престола, шел все вперед, углубляясь в запутанные лабиринты города, кишащие столичной голью и беднотой.

Вдруг какой-то пьяный верзила схватил его за шиворот с криком:

– Ах, так ты опять шататься по ночам! Опять возвращаешься домой без гроша, – готов побожиться! Если так, смотри – берегись! – я тебе все кости переломаю, не будь я Джон Канти!

Принц вырвался из рук пьяницы и невольно с отвращением отряхнулся.

– Как, неужели ты его отец? Слава Богу, теперь я спасен! Мы вместе сходим за ним, и я вернусь домой.

– Что-о? Так вот ты как? От родного отца отрекаться? Постой же, я тебе сейчас покажу, чей я отец…

– Ах, не шути ты так, не смейся надо мной! Скорей, скорей!.. Разве ты не видишь, как я избит, как измучен? Я больше не в силах терпеть. Скорей отведи меня к королю, моему отцу; он наградит тебя так, как тебе и во сне не снилось. Поверь же мне! Я говорю правду, чистую правду! Не трогай меня… спаси меня! Спаси принца Валлийского!

Подгулявший верзила уставился на мальчика оторопелыми глазами и пробурчал себе под нос:

– Вишь ты, совсем рехнулся парень! – И еще крепче ухватив его за шиворот, он выругался и с хриплым смехом добавил: – Ну, да уж там рехнулся ли, нет ли, а порки тебе, братец, не избежать, – это верно!

С этими словами он потащил за собой перепуганного, отчаянно отбивавшегося принца и скрылся с ним в каком-то грязном дворе под громкий хохот сопровождавшей их довольной толпы зевак.

Глава V
Том в роли принца

Оставшись один в кабинете принца, Том Канти воспользовался удобным случаем, чтобы полюбоваться своим роскошным костюмом. Он поворачивался во все стороны перед огромным зеркалом и даже прошелся несколько раз, стараясь подражать величественной осанке принца. Вдоволь налюбовавшись собою, он обнажил свою красивую шпагу, раскланялся, поцеловал и прижал шпагу к груди, как сделал недавно какой-то знатный рыцарь (Том сам это видел), отдавая честь начальнику Тауэра, которому он передавал великих лордов Норфолька и Серрея для заключения их в тюрьму. Вложив шпагу в ножны, Том занялся кинжалом в оправе из драгоценных каменьев, потом принялся разглядывать роскошное убранство комнаты, каждое кресло, каждый стул и невольно подумал, как удивились бы его оффаль-кордские приятели, если бы могли видеть его среди всего этого великолепия. Интересно, поверят ли они ему, когда он расскажет им свое диковинное приключение, или просто решат, что он рехнулся?

Так прошло с полчаса. Тóму начало казаться, что принц давно должен был бы вернуться. Он почувствовал себя одиноким; диковинные новинки перестали его занимать; ему

стало грустно, наконец сделалось страшно. Не дай Бог, еще кто-нибудь придет да увидит в платье принца… Что тогда делать? А принца, как на грех, все нет как нет! Чего доброго, его, Тома, повесят, – что ж тут мудреного? Великие мира, говорят ведь, скоры на расправу. Страх мальчика усиливался с каждой минутой. Дрожа, подкрался он к двери в прихожую и с бьющимся сердцем стал прислушиваться, решив бежать отыскивать принца и просить выпустить его на свободу. Но не успел он отворить дверь, как шестеро великолепных лакеев и два молоденьких, нарядных, как бабочки, пажа вскочили со своих мест, как на пружинах, и отвесили ему низкий поклон. Том отшатнулся и проворно захлопнул дверь.

– Вот теперь и эти надо мной издеваются! Боже мой, что мне делать? Я погиб, погиб безвозвратно. И зачем только я сюда сунулся на свою погибель?

Обезумев от страха, он начал метаться по комнате, беспрестанно останавливаясь и с затаенным дыханием прислушиваясь к малейшему шороху. Вдруг дверь из прихожей распахнулась, и нарядный паж доложил:

– Леди Дженни Грей.

Дверь сейчас же опять затворилась, пропустив хорошенькую, нарядную молодую девушку, которая с улыбкой пошла было навстречу Тому, но на полдороге остановилась, как вкопанная, и с тревогой спросила:

– Что с вами, милорд, здоровы ли вы?

Том едва держался на ногах от страха, но, собрав все свои

силы, сказал прерывающимся голосом:

– О, сжальтесь надо мной! Спасите меня! Я не лорд, я – Том Канти из Оффаль-Корда. Дайте мне только повидаться с принцем, умоляю вас! Он так добр, я знаю, он не сделает мне никакого вреда и велит меня выпустить на свободу. Сжальтесь надо мной! Спасите меня.

С этими словами мальчик упал на колени, с мольбою простирая руки, поднял на молодую девушку полные слез глаза. Девушка казалась страшно испуганной.

– Бога ради, милорд! Что с вами? Вы на коленях передо мной?

И она повернулась и выбежала из комнаты, а Том в отчаянии упал ничком прямо на пол, бормоча:

«Все пропало! Я погиб! Ниоткуда нет помощи! Сейчас они придут и возьмут меня!»

Пока Том, обезумевший от страха, лежал почти без чувств на полу, ужасная весть облетела дворец!

Тревожным шепотом – так как никто еще не смел говорить об этом громко – зловещий слух переходил из уст в уста, передавался от лорда к лорду, пробегал коридоры, перелетал с этажа на этаж: «Принц помешался, принц помешался!»

Скоро во всех дворцовых покоях, во всех мраморных залах собрались группы великолепных лордов, придворных дам и знатных вельмож; все они взволнованно перешептывались с печальными лицами. Но вот вошел блестящий царедворец и торжественно возвестил:

– Именем короля! Под страхом смерти никто не должен доверять распространившемуся во дворце бессмысленному, ложному слуху. Никто не вправе обсуждать его, а тем паче распространять вне пределов дворца. Такова воля короля!

Шепот мигом смолк, точно все онемели. Но вот опять поднялся говор, и толпа зажужжала: «Принц идет! Вот он – принц!»

Бедный Том, едва передвигая ноги, действительно проходил перед склонявшейся при его приближении толпой придворных, отвечая на поклоны и робко озираясь на невиданную им обстановку жалкими, испуганными глазами. По бокам, поддерживая его под руки, шло двое знатных вельмож, а за ними выступали придворные доктора и несколько лакеев.

И вот Том очутился в огромном, роскошном покое; дверь за ним затворилась; свита выстроилась у него за спиной. Том поднял голову, взглянул и увидел на некотором расстоянии перед собой тучного человека в полулежачей позе, с широким, расплывшимся, суровым лицом. На нем было богатое, но поношенное и местами даже потертое платье. Одна его нога, вся забинтованная и распухшая, как колода, покоилась на подушке. Воцарилось молчание; все головы, как одна, склонились перед этим человеком. Этот суровый на вид, неподвижный калека был грозный Генрих VIII. Он заговорил, и лицо его смягчилось улыбкой:

– Ну что, мой милый принц, милорд Эдуард, говорят, ты вздумал подшутить надо мной, своим стариком отцом, доб-

рым королем, который тебя так нежно любит?

Бедняжка Том напрягал все свои силы, чтобы выслушать и понять то, что ему говорили; но когда его слуха коснулось слово «король», лицо его помертвело и он, как подстреленный, упал на колени.

– Король! Сам король! Боже мой, я погиб! – воскликнул Том, с мольбой простирая свои дрожащие руки.

Король был, видимо, страшно потрясен этими словами. Он обвел растерянным взглядом присутствующих и со страхом уставился на коленопреклоненного мальчика.

– Увы, напрасно я думал, что это только нелепые слухи, – сказал он наконец с грустью. – Неужели это правда? – Он тяжело вздохнул и, обращаясь к Тому, сказал мягко: – Подойди ко мне, мой мальчик. Что с тобой, дитя мое? Тебе нездоровится?

Тому помогли подняться, и он, весь дрожа, робко подошел к Его Величеству королю Англии. Король ласково обхватил обеими руками его бледное, испуганное личико и долго, не отрываясь, вглядывался в него грустным взором, точно отыскивая в его глазах признаки возвратившегося рассудка; потом с любовью прижал к груди кудрявую головку и нежно погладил ее.

– Неужели ты не узнаешь отца, мой мальчик? Не мучь меня, старика, – скажи, что ты́ меня знаешь. Ведь ты меня знаешь, не так ли?

– Знаю; вы – мой августейший повелитель, король Ан-

глии, да хранит вас Господь!

– Так-так… славно сказано!.. Но успокойся… отчего ты дрожишь? Тебя никто не обидит; здесь все тебя нежно любят. Теперь тебе лучше, не правда ли? Дурной сон миновал; теперь ты знаешь, кто ты, и не станешь выдавать себя за другого, как ты давеча это сделал, – не так ли?

– Ваше Величество! Поверьте мне, умоляю вас! Я говорил и говорю сущую правду. Я – ничтожнейший из ваших подданных, бедняк-нищий, и попал сюда совершенно случайно. Но я не виноват. Я не сделал ничего худого. Я слишком молод и не хочу умирать. Одного вашего слова довольно, чтобы меня спасти. Ваше Величество, умоляю вас, – скажите это слово!

– Как! Ты говоришь о смерти, милый принц? Полно, полно, тебе просто нужен покой – вот и все. Ты не умрешь.

Том с радостным криком упал на колени.

– Да благословит тебя Бог, всемилостивейший король, и да ниспошлет он тебе долгую жизнь на благо твоего народа!

После этого он вскочил на ноги и, обернувшись с просиявшим лицом к поддерживавшим его вельможам, воскликнул:

– Слышите? Я не умру! Сам король сказал, что я не умру!

В ответ на это все присутствующие отвесили почтительный поклон, но никто не вымолвил ни слова. Том смутился, оживление его мигом пропало, и, робко повернувшись к королю, он спросил:

– Теперь мне можно уйти?

– Уйти? Разумеется, если хочешь. Но почему бы тебе не побыть немного со мной? Куда ты торопишься?

Том потупился и отвечал с грустью:

– Я, верно, ошибся, не так вас понял. Я было думал, что я свободен и могу вернуться домой, в лачугу, где родился и вырос нищим и где меня ждут мать и сестры. Я так привык к своей нищете, что вся эта роскошь… Ах, умоляю вас, Ваше Величество, отпустите меня!

Король молчал, видимо, что-то соображая; лицо его было сурово и грустно.

– Может быть, у него только один этот пункт помешательства, – прошептал он наконец в раздумье, – может быть, во всем остальном разум его остался здравым. Дай-то Господи! Надо его испытать.

И король обратился к Тому с каким-то вопросом по-латыни, на который Том ответил с грехом пополам на том же языке. Король был в восторге. Лорды и придворные доктора поспешили выразить королю свою радость.

– Конечно, ответ не совсем соответствует его познаниям и способностям, но, на мой взгляд, все-таки доказывает, что рассудок его поражен не вполне, хотя, конечно, немного расстроен. Это дает мне надежду… Что вы на это скажете, сэр?

Доктор, к которому были обращены эти слова, отвесил почтительный поклон и сказал:

– Ваше Величество высказали именно то, что я думаю.

Надежда далеко не потеряна.

Королю, видимо, пришелся по сердцу ответ столь авторитетного в этом деле лица, и он добродушно сказал, обращаясь к присутствующим:

– Ну, теперь слушайте все: мы произведем еще одно маленькое испытание.

И он заговорил с Томом по-французски. Несколько минут мальчик простоял молча, смущенный обращенными на него взглядами, но наконец робко промолвил:

– Не сердитесь, Ваше Величество, но… я не понимаю этого языка.

Король тяжело упал на подушки. Присутствующие бросились было к нему, но он отстранил их рукой и сказал:

– Оставьте… это пустое, небольшая слабость, и только. Подымите меня. Вот так, довольно. Пойди ко мне, дитя мое, положи свою бедную, больную головку к отцу на грудь и успокойся, – это скоро пройдет. Не бойся, это пустяки… сейчас пройдет.

Затем он обернулся к придворным, и выражение его лица, за секунду перед этим нежное и мягкое, опять стало суровым, а глаза грозно сверкнули, когда он сказал:

– Слушайте, все вы! Мой сын – безумный, но это пройдет. Всему причиной усиленные занятия и сидячая жизнь. Сейчас же бросить все уроки и книги! Исполнить мое повеление с точностью! Занимайте его играми на чистом воздухе, полезными для здоровья, и он скоро совершенно попра-

вится. – Король приподнялся на своих подушках и добавил с энергией: – Сомнения нет, он безумный, но он мой сын и наследник английского престола, и в здравом ли рассудке, или безумный, – он будет царствовать! Слушайте же и передайте всем: всякий, кто хоть словом обмолвится о его недуге, будет обвинен в измене и как государственный преступник повешен… Дайте мне пить – я весь горю: это горе доконало меня… Подержите кубок… Подымите меня… Вот так. Он безумный, но, будь он хоть в тысячу раз безумнее, он останется принцем Валлийским – такова моя воля, воля короля. И нынче же вечером, по древнему обычаю, он будет утвержден в этом сане. Милорд Гертфорд, распорядитесь церемонией.

Один из царедворцев преклонил колено перед ложем короля и сказал:

– Вашему Величеству известно, что наследный гофмаршал Англии заключен в Тауэре. Не подобает заключенному…

– Молчать! Не оскорбляй моего слуха этим ненавистным именем. Неужели этот человек будет жить вечно? Кто смеет идти наперекор моей воле? Неужели же придется отменить церемонию коронации принца только потому, что у меня не найдется гофмаршала, не запятнанного изменой? Клянусь Всемогущим, это нестерпимо! Ступай и передай моему парламенту, что завтра до восхода солнца я жду приговора Норфольку, – иначе горе им всем! Они поплатятся мне за

свое ослушание.

– Воля короля – закон! – сказал лорд Гертфорд, поднимаясь с колен и отходя на прежнее место.

Мало-помалу краска гнева сбежала с лица короля, и он опять с нежностью обратился к сыну:

– Поцелуй меня, дитя мое. Вот так… Но отчего ты дрожишь? Чего ты боишься? Разве я не твой любящий отец?

– Вы слишком добры ко мне, недостойному, всемилостивейший и могущественный монарх. Мне ли этого не понимать и не чувствовать! Но… но мне больно, что из-за меня, быть может, ускорится смерть человека и…

– Ах, как это на тебя похоже, как похоже! Правда, рассудок твой пострадал, зато сердце осталось таким же сострадательным и благородным. Но я не потерплю, чтобы этот герцог стоял у тебя на дороге. Я хочу посадить на его место другого, который не запятнает своего высокого сана изменой. Забудь же о нем, дитя мое, и не беспокой больше попусту своей бедной головки.

– Но ведь я не буду причиной его смерти, Ваше Величество? Долго ли еще ему оставалось бы жить, если б не этот случай?

– Не думай о нем больше, дитя мое; он этого не стоит. Поцелуй меня еще раз и ступай порезвись и позабавься: мне что-то нехорошо. Я устал и хочу отдохнуть. Ступай со своим дядей Гертфордом и приходи опять, когда я отдохну.

Том с тяжелым сердцем вышел из комнаты. Последние

слова короля нанесли смертельный удар его надежде – надежде когда-нибудь вырваться на свободу. Едва он вышел, как опять услыхал сдержанный шепот: «Принц идет! Вот он – принц!»

Все тяжелее и тяжелее становилось у мальчика на душе, пока он проходил вдоль блестящих рядов склонявшихся перед ним царедворцев. Теперь он окончательно убедился, что ему, бедному, беспомощному ребенку, не вырваться из этой раззолоченной клетки, если сам Бог не сжалится над ним и не даст ему свободы.

И куда бы он ни повернулся, повсюду ему чудились отрубленная голова и врезавшееся в его память лицо герцога Норфолька, который, казалось ему, с упреком глядит на него.

Как прекрасны были его прежние грезы, и как ужасна действительность!

Глава VI
Том получает инструкции

В сопровождении блестящей свиты Тома привели в парадный зал и усадили в кресло; но ему было очень неловко сидеть в присутствии всех этих знатных вельмож, и притом людей, которые были гораздо старше его по годам. Он было попросил их присесть, но они только почтительно поклонились и, пробормотав какое-то извинение, продолжали стоять. Когда же Том вздумал было настаивать, его «дядя», граф Гертфорд, шепнул ему на ухо:

– Прошу Вас, не настаивайте, милорд; они не имеют права сидеть в вашем присутствии.

В эту минуту доложили о прибытии лорда Сент-Джона. Милорд, войдя, поклонился Тому и сказал:

– Я прислан Его Величеством по секретному делу. Не угодно ли будет Вашему Высочеству отпустить всех присутствующих, за исключением графа Гертфорда.

Видя, что Том смутился и не знает, как ему быть, Гертфорд опять пояснил ему шепотом, что достаточно одного жеста и что он может не говорить, если не желает. Когда последний из свиты оставил зал, лорд Сент-Джон сказал:

– Его Величество на основании важных государственных причин и соображений изволил повелеть, чтобы Его Высо-

чество принц старался всеми силами скрывать свой недуг, пока болезнь не минует и Его Высочество не будет здоров по-прежнему. Ввиду сего Его Величество повелевает принцу ни перед кем не отрицать, что он настоящий принц, наследник английского престола. Его Величество повелевает принцу блюсти свое княжеское достоинство и без всякого возражения принимать издревле установленные для его сана знаки почтения и покорности. Его Величество повелевает Его Высочеству принцу остерегаться говорить о своем воображаемом низком происхождении и о прошлой жизни, картины коей породила болезнь в его возбужденном мозгу. Его Величество повелевает принцу приложить все свои силы на то, чтобы заставить себя опомниться, для чего умоляет Его Высочество попытаться вспомнить свое прошлое и близких ему лиц; если же это ему не удастся, отнюдь не выказывать при посторонних ни смущения, ни рассеянности, ни забывчивости; в случаях официальных приемов или в государственных делах, при всяком встречающемся Его Высочеству затруднении, не подавая о том никому вида, обращаться за советом к лорду Гертфорду или к Вашего Высочества покорному слуге, на этот случай приставленным к вам Его Величеством, – впредь до высочайшего распоряжения. Такова воля монарха, который вместе с тем шлет Вашему Высочеству свой привет и молит милосердного Господа о скорейшем вашем исцелении и о ниспослании на вас ныне и присно Его благодати.

Проговорив эту речь, лорд Сент-Джон отвесил новый по-

клон и отошел в сторону.

– Король так повелел, и я не дерзну ослушаться его повелений. Воля короля будет исполнена, – с твердостью отвечал Том.

– Что касается повеления Его Величества короля относительно книг и занятий, – поспешил заметить лорд Гертфорд, – то не будет ли Его Высочеству благоугодно теперь же заняться, согласно сему повелению, какой-нибудь игрой, чтобы не утомиться к началу банкета и не повредить своему здоровью?

Том с недоумением уставился на говорившего, но, поймав соболезнующий взгляд лорда Сент-Джона, заметно смутился.

– Память опять изменяет вам, Ваше Высочество, – поспешил успокоить его милорд. – Но не тревожьтесь: это пустое, и все пройдет, как только Ваше Высочество немного оправитесь. Милорд Гертфорд говорит о банкете в Сити, на котором вы должны присутствовать, согласно обещанию, данному два месяца тому назад Его Величеством королем. Теперь Ваше Высочество, конечно, припоминает?

– Ах да, в самом деле! Я совсем об этом забыл, – сказал Том нерешительно и покраснел.

В эту минуту доложили о леди Елизавете и леди Дженни Грей. Лорды обменялись многозначительным взглядом; Гертфорд бросился к двери навстречу принцессам и, когда они проходили мимо, поспешно им шепнул:

– Прошу вас, леди, не показывайте вида, если вы заметите в Его Высочестве какие-нибудь странности. Не удивляйтесь его забывчивости; к сожалению, это теперь с ним часто случается по поводу всякой безделицы.

Между тем лорд Сент-Джон шепнул Тому:

– Прошу вас, принц, не забывать о воле Его Величества. Старайтесь припомнить, что можете, и делайте вид, что помните даже то, чего не можете вспомнить. Не давайте заметить принцессам вашего душевного расстройства; вы знаете, как нежно обе они любят вас, – не огорчайте же их понапрасну. Как прикажете, сэр: удалиться нам с вашим дядюшкой или остаться?

Том жестом попросил их остаться. Он уже немного освоился со своим положением; притом по простоте сердечной он твердо решил свято исполнять волю короля.

Однако, несмотря на все принятые предосторожности, беседа принцесс с наследником то и дело принимала довольно опасный оборот; Том не раз готов был выдать себя и отказаться от взятой им на себя трудной роли, но каждый раз его спасал удивительный такт принцессы Елизаветы или вовремя выручало будто невзначай брошенное слово бдительных лордов, умевших с редким искусством дать разговору счастливый исход. Маленькая леди Дженни совсем было огорошила Тома:

– Навещали вы сегодня Ее Величество королеву, милорд? – спросила она.

Том оторопел, смутился и решился уже отвечать наугад, когда лорд Сент-Джон, с находчивостью ловкого царедворца, привыкшего так или иначе изворачиваться в затруднительных случаях, поспешно ответил за него:

– Как же, миледи; и Ее Величество вполне успокоили принца насчет здоровья Его Величества короля, – не правда ли, милорд?

Том в замешательстве пробормотал что-то непонятное, чувствуя, что почва ускользает у него из-под ног.

В другой раз, когда разговор коснулся повеления короля приостановить на время занятия Тома, принцесса Дженни воскликнула:

– Какая жалость! Вы делали такие больше успехи, милорд! Только не принимайте этого близко к сердцу; ваши занятия прекращены, конечно, ненадолго. Во всяком случае, вы еще успеете сделаться таким же ученым и таким же знатоком языков, как ваш отец.

– Как бы не так! – выпалил вдруг Том, совершенно забывшись. – Отец и родной-то язык знает не лучше свиньи, а уж о других науках…

В эту минуту мальчик поймал испуганный взгляд лорда Сент-Джона, осекся на полуслове и докончил:

– Мне опять что-то худо: мысли мешаются. Прошу прощения, я, право, не хотел сказать ничего оскорбительного для Его Величества короля.

– Еще бы, еще бы, милорд! – сказала леди Елизавета, по-

чтительно и в то же время нежно пожимая в обеих руках руку «брата». – Не тревожьтесь, вы не виноваты, – всему причиной ваша болезнь.

– Какая вы добрая, миледи, – настоящий ангел! Я вам признателен всей душой, – отвечал Том с благодарностью.

Тут расшалившаяся леди Дженни бросила ему какую-то греческую фразу. Но и на этот раз от зоркого взгляда леди Елизаветы не укрылось смущение Тома; она преспокойно ответила маленькой шалунье целым градом звучных греческих фраз и ловко перевела разговор на другое.

Беседа шла приятно и довольно гладко. Подводные камни и мели попадались все реже. Том начинал все больше и больше свыкаться со своей новой ролью, видя, с какой любовью и предупредительностью ему помогают выпутываться из затруднений. Когда же в разговоре выяснилось, что молодые девушки должны сопровождать его на банкет к лорду-мэру, у мальчика чуть не выпрыгнуло сердце от радости и он свободно вздохнул от сознания, что не будет одиноким в толпе чужих людей. А между тем какой-нибудь час тому назад одна мысль о принцессах приводила его в содрогание и наполняла его душу невыразимым ужасом.

Два лорда, ангелы-хранители Тома, далеко не испытывали от этого свидания такого удовольствия, как остальные собеседники. Оба они чувствовали себя в положении шкипера, которому надо провести большой корабль через узкий, опасный пролив; все время им приходилось быть настороже,

и они меньше всего могли смотреть на свои обязанности, как на детскую забаву. Поэтому, когда визит принцесс близился к концу и принцу доложили о лорде Гальфорде Дудлее, благородные лорды почувствовали, что они не в силах больше пускаться в новое неверное плавание, и решили, что ловкость и находчивость их достаточно испытаны на сегодня. Итак, они почтительно посоветовали Тому извиниться и отказать милорду, на что Том охотно согласился, не заметив легкого облачка неудовольствия, омрачившего личико леди Дженни, когда она услышала, что блестящий молодой царедворец так-таки и не будет принят.

Затем наступила минута неловкого, выжидательного молчания; но Том не сообразил, в чем дело, и с недоумением оглянулся на лорда Гертфорда, который поспешил сделать ему какой-то знак. Том опять-таки ровно ничего не понял. На этот раз его опять выручила, со своей обычной находчивостью, леди Елизавета. Она грациозно присела и сказала:

– Теперь не позволит ли нам Его Высочество удалиться?

– Я готов позволить миледи все, что ей будет угодно, хотя, признаюсь, я охотнее согласился бы на всякую другую ее просьбу, исполнение которой не лишало бы меня ее очаровательного общества. Будьте здоровы, миледи! Да хранит вас Господь! – сказал Том и невольно подумал: «Недаром, видно, я так любил в моих книгах общество принцесс; вот когда оно мне пригодилось – знакомство с их высокопарным, вычурным обращением».

Когда принцессы удалились, Том с усталым видом обернулся к своим наставникам.

– А теперь, милорды, не разрешите ли вы мне удалиться? Я очень устал… мне хотелось бы отдохнуть.

– Приказывайте, Ваше Высочество; наша обязанность повиноваться, – сказал лорд Гертфорд – Да вам и не мешает отдохнуть, особенно ввиду сегодняшнего банкета в Сити.

С этими словами лорд Гертфорд дотронулся до звонка, и на пороге показался молоденький паж, которому было приказано позвать сэра Вильяма Герберта. Этот джентльмен не замедлил явиться и проводил Тома в жилые апартаменты. Первым движением Тома было взять со стола кубок с водой, но слуга, весь в бархате и шелке, предупредил его желание и, опустившись на одно колено, подал ему кубок на золотом блюде.

Утомленный усталостью, пленник в изнеможении опустился в кресло и, робко поглядывая на свою свиту, как бы испрашивая ее разрешения, хотел было снять с себя башмаки, но новый мучитель в шелке и бархате опять предупредил его желание и, опустившись на одно колено, исполнил за Тома и эту обязанность. Том сделал было еще две-три попытки действовать самостоятельно, но, убедившись, что все его усилия в этом направлении останутся тщетны, с тяжелым вздохом покорился своей участи. «Господи Боже мой! – пробормотал он, – как они не возьмутся еще дышать за меня!»

В туфлях и в роскошном халате Том прилег отдохнуть. Но

уснуть он не мог: в голове его теснились мысли; в комнате вокруг него толпились люди. Разогнать докучные мысли он не мог, – они не оставляли его; разогнать докучных людей – не умел, и они тоже не оставляли его, к общей, его и своей, досаде.

После того как Том вышел, благородные лорды, его пестуны, остались вдвоем. Долго шли они рядом, покачивая головами в глубокой задумчивости. Лорд Сент-Джон первый прервал молчание.

– Ну-с, милорд, что вы обо всем этом думаете? – спросил он.

– Да что же тут думать? Дело ясно как день. Король долго не протянет, племянник мой помешан; безумным взойдет он на престол, безумным будет и царствовать. Да хранит Англию милосердный Господь, – она нуждается в Его милосердии.

– Так-то оно так. Но… не кажется ли вам, что…

Лорд Сент-Джон смутился и замолчал. Очевидно, дело шло о щекотливом предмете. Лорд Гертфорд остановился перед собеседником и пристально посмотрел ему в лицо своим светлым, правдивым взглядом.

– Говорите, милорд, высказывайте вашу мысль. Мы здесь одни, нас никто не услышит.

– Поверьте, милорд, мне очень тяжело высказываться, да еще перед таким близким родственником Его Высочества. Заранее прошу прощения за свои слова, но – не кажется ли

вам странным, что недуг мог разом так круто изменить его манеры и обращение? Я не хочу этим сказать, что его манеры и обращение сделались менее царственны, и однако в каждой малейшей безделице, в каждом движении они не те, совсем не те. Не странно ли, что его безумие сразу отбило у него память на самых близких – даже забыть лицо отца, – и сразу вынудило его забыть привычные от колыбели обычаи, сохранив почему-то знание латыни, в то же время совершенно изгладило знание греческого и французского языков? Простите мою смелость, милорд, но, право, я был бы бесконечно вам благодарен, если бы вы убедили меня в неосновательности моих сомнений. Ну а что, если все эти его уверения и клятвы, что он не принц…

– Молчите, милорд! Ваши речи – измена! Разве вы забыли повеление короля? Слушая вас, я невольно становлюсь соучастником государственного преступления.

Лорд Сент-Джон побледнел и поспешно сказал:

– Мои сомнения – непростительная, безумная ошибка: я сознаюсь и клянусь вам, что никому больше не стану об этом заикаться. Ради Бога, простите, милорд, не погубите меня!

– Довольно, милорд. Если вы даете слово ни с кем больше об этом не говорить, все останется между нами. Но этого мало: вы должны прогнать ваши сомнения; их не должно, их не может быть! Он – сын моей сестры; его голос, лицо, осанка, манеры, каждое его движение знакомы мне с детства. Безумие может вызвать в мозгу очень странные перемены, гораз-

до более странные, чем те, на которые вы указали. Вспомните, например, старого барона Морлея, который, помешавшись, совершенно забыл, кто он, и то принимал себя за сына Марии Магдалины, то уверял, что у него голова из испанского стекла; и никому не позволял до себя дотронуться, боясь, чтобы ему как-нибудь ее не разбили. Могут ли быть в этом случае какие-нибудь сомнения, милорд? Конечно, он принц – мне ли его не знать? – и притом принц, который скоро будет королем; этого обстоятельства не следует забывать!

После описанной короткой беседы, во время которой лорд Сент-Джон изо всех сил старался загладить свою непростительную оплошность, лорд Гертфорд отпустил своего товарища по должности и остался дежурить один. Скоро он о чем-то глубоко задумался, и чем больше он думал, тем сильнее и сильнее волновался. Наконец он тревожно зашагал по комнате, бормоча себе под нос:

«Нет, не может этого быть! Он должен быть принцем. В целой Англии не найдется сумасброда, который решился бы утверждать, что возможно такое поразительное сходство между людьми, чуждыми по рождению… А если бы так, – каким чудом очутился бы он здесь, на месте принца? Нет, это бред, безумный бред!»

Немного погодя он продолжал:

«Ну хорошо, допустим; допустим, что он самозванец и выдает себя за принца; в этом нет еще ничего невероятного, ничего бессмысленного. Но виданная ли вещь, чтобы само-

званец, признанный всеми, – и двором, и самим королем, – отрекался от своего сана и отказывался от достигнутой им высоты? Нет, клянусь Богом, это невозможно! Нет, разумеется, он принц, – настоящий принц; но, к несчастью, он помешался…»

Глава VII
Обед Тома в роли принца

Около часу пополудни Том смиренно покорился церемонии одевания к обеду. Его разодели в такой же нарядный костюм, как и тот, что был на нем раньше, но с головы до ног – начиная с брыжей и кончая чулками – все на нем переменили. Затем его отвели в сопровождении целой свиты в красивый просторный зал, где был накрыт стол на одну персону. Посуда была вся из литого золота с драгоценными украшениями работы знаменитого Бенвенуто Челлини. В зале Тома ждала целая толпа благородных слуг. Капеллан прочел предобеденную молитву. Наголодавшийся на своем веку мальчик хотел уже было накинуться на еду, но его остановил милорд граф Берклей, торжественно подвязавший ему под подбородок салфетку. Важная должность подвязывания салфетки принцу Валлийскому принадлежала лорду Берклею и была наследственной в роду этого вельможи. За спиной Тома поместился другой именитый сановник, в обязанности которого входило наполнять вином стакан Его Высочества, а рядом с ним стоял благородный лорд, готовый по первому требованию отведать подозрительного кушанья с риском отравиться. Правда, в то время эта последняя должность существовала больше для вида, и случаи, когда приходилось прибе-

гать к услугам лиц, ею облеченных, были очень редки; но было время (и не такое уж далекое), когда она была сопряжена с большой опасностью для жизни и никого не соблазняла. Странно, что почетную эту обязанность поручали не химикам; а еще проще было бы предоставить ее собакам. Но в придворных обычаях много странного. Первый камердинер Его Высочества, милорд д'Арси, тоже зачем-то был тут; зачем – неизвестно, но он был тут – и этого довольно. Был тут и лорд-мундшенк, стоявший за стулом Тома и наблюдавший за церемонией обеда, которая совершалась под руководством двух его помощников: лорда-сенешаля и лорда-оберкоха. У Тома было еще триста сорок четыре человека прислуги кроме тех, кого мы назвали здесь, но, конечно, налицо их было не более четверти, и Том по простоте душевной и не подозревал о существовании остальных.

Все присутствующие были предупреждены о нездоровье принца и получили строгий наказ не выдавать своего удивления в том случае, если бы они заметили в нем какие-нибудь странности. Вскоре все могли воочию убедиться, до каких грандиозных размеров доходили эти «странности», однако это не только не вызвало смеха или глумления со стороны верноподданных обожаемого принца, но, напротив, повергло их в великую печаль.

Бедный Том без дальних церемоний начал есть руками, но никто даже не улыбнулся на эту «странность»; все сделали вид, что ничего не замечают. Мальчик стал с любопытством

разглядывать свою красивую узорчатую салфетку и наконец простодушно сказал:

– Снимите ее, пожалуйста, а то как бы мне не запачкать…

Лорд Берклей немедленно повиновался, и исполняя свою наследственную обязанность, почтительно снял с него салфетку.

Том с удивлением уставился на брюкву и латук и осведомился, что это такое и можно ли это есть. (В то время в Англии только что начали разводить эти овощи; раньше же они привозились из Голландии в виде большой редкости.) Ему ответили на вопрос, не выказывая ни удивления, ни насмешки. Покончив с десертом, он набил себе полные карманы орехами, но и на это никто не обратил никакого внимания, точно так оно и следовало. Зато сам Том почувствовал, что сделал неловкость, и смутился. За все время обеда это был единственный случай, когда ему позволили действовать самостоятельно, и он понял, что поступил неприлично и недостойно звания принца. У него задрожали губы и в носу защекотало. Это ощущение все усиливалось. Мальчик окончательно растерялся. С безмолвной мольбой поглядывал он на окружающих его лордов; глаза его наполнились слезами. Перепуганная свита бросилась к нему; все спрашивали, что с ним.

– Простите, пожалуйста, но у меня страшно чешется нос, – сказал мальчик наивно. – Как мне быть? Что принято делать в таких случаях? Пожалуйста, говорите скорей, – я не

могу больше терпеть…

Никто не улыбнулся; все были в недоумении и со смущением переглядывались. Да и мудрено было не смутиться: во всей Англии не было указаний на то, как следовало поступить в таком затруднительном случае. А тут еще, как на грех, не случилось под рукой главного церемониймейстера. Кто же мог взять на себя смелость пуститься в эту неведомую область и разрешить трудную задачу? Увы, при дворе не полагалось наследственной должности чесальщика царственных носов. Между тем из глаз Тома хлынули слезы. Его нос чесался все сильней и настоятельно требовал помощи. Наконец природа осилила все преграды этикета. Помолившись мысленно, чтобы Господь простил ему, если он совершает невольное прегрешение, Том облегчил огорченные сердца присутствующих, собственноручно почесав себе нос.

Когда обед кончился, один из лордов поднес Тому широкую, плоскую золотую чашу с розовой водой для полосканья рта и омовения рук. Милорд Берклей стал рядом с мальчиком, держа наготове салфетку. С минуту Том в недоумении смотрел на золотую чашу, потом решительно поднес ее к губам, отпил глоток, но сейчас же возвратил ее лорду.

– Нет, это мне совсем не нравится, милорд, – сказал мальчик. – Пахнет чудесно, но никакой крепости нет.

Эта новая «странность» бедного безумного принца наполнила грустью сердца всех присутствующих, да и могло ли быть иначе?

Наконец, Том проявил еще одну «странность». Он встал из-за стола как раз в ту минуту, когда капеллан, поместившись за его стулом, воздел было руки и очи горе[1], собираясь прочесть благодарственную молитву. Но и тут все сделали вид, что не замечают неприличной выходки принца.

Затем по просьбе нашего маленького друга его отвели в его собственный кабинет и предоставили самому себе.

На крючках, вдоль стен с дубовой обшивкой, были развешаны разные принадлежности вооружения из сверкающей стали с изящными чеканными золотыми узорами. Блестящее вооружение принадлежало принцу и было недавно подарено ему королевой Екатериной Парр. Том надел латы, наручники и шлем с плюмажем – словом, все доспехи, какие только мог надеть без постороннего содействия, и уже собирался было позвать кого-нибудь на помощь, чтобы облачиться до конца, но вспомнил об орехах, которые он принес от обеда. Возможность съесть эти орехи без соглядатайства целой толпы зрителей и докучных наследственных лордов с их несносными услугами показалась ему до того соблазнительной, что он сейчас же разоблачился, развесил по местам свои доспехи и с наслаждением принялся щелкать орехи, чувствуя себя почти счастливым – впервые с тех пор, как Господу угодно было в наказание за грехи превратить его в принца. Когда орехи кончились, Том обратил свое внимание на шкаф с прекрасными книгами, из которых особенно соблазнитель-

[1] Поднять руки и глаза к небу. (Прим. изд.)

ной показалась ему одна – об этикетах при английском дворе. Это был для него сущий клад. Он прилег на роскошный диван и углубился в поучительное чтение…

Но оставим его ненадолго.

Глава VIII
Государственная печать

В пятом часу Генрих VIII проснулся после тревожного сна. «Страшные видения, – пробормотал он про себя. – Конец мой близок – я это чувствую. Недаром я вижу такие сны, да и слабеющий пульс подтверждает мое предчувствие». Вдруг взгляд его вспыхнул злобой. «Но он погибнет прежде, чем я умру!» – прошептал он.

Придворные заметили, что король проснулся, и один из них спросил Его Величество, не угодно ли ему будет отдать приказания лорду-канцлеру, который их ждет.

– Зовите его, впустите его скорей! – с живостью воскликнул король.

Лорд-канцлер вошел и преклонил колено перед ложем своего повелителя.

– Согласно воле короля я передал его приказание пэрам парламента. Приговор над герцогом Норфольком произнесен, и парламент ждет дальнейших распоряжений Вашего Величества.

Лицо короля просияло.

– Подымите меня. Я сам пойду к моему парламенту и собственноручно скреплю печатью приговор, избавляющий меня от…

Тут голос его прервался; смертельная бледность покрыла лицо. Придворные бросились поправлять подушки и приводить больного в чувство.

– Как долго я ждал этой блаженной минуты, – вымолвил с грустью король. – Она настала, но, увы, слишком поздно. Мне не придется насладиться счастьем, которого я так нетерпеливо ждал. Что ж, пусть другие исполнят за меня отрадную обязанность, если уж для меня это невозможно. Поспешите же, лорды! Я вручаю государственную печать комиссии, которую вы изберете из своей среды. Поспешите же, лорды! И прежде чем солнце снова взойдет и зайдет, принесите мне его голову: я хочу ее видеть собственными глазами.

– Воля короля священна. Не угодно ли будет Вашему Величеству вручить мне печать, чтобы я мог немедленно приступить к делу?

– Вручить тебе печать? Да у кого же ей быть, как не у тебя?

– Простите, Ваше Величество, но вы сами взяли ее у меня дня два тому назад; вы сказали, что никто не должен к ней прикасаться, пока вами собственноручно не будет скреплен приговор над герцогом Норфольком.

– Да, да, это правда; теперь припоминаю… Но где же она в таком случае?.. Я так слаб… Память стала мне изменять в последние дни… Странно, очень странно…

И король что-то невнятно забормотал, покачивая седой головой и тщетно стараясь припомнить, куда могла деваться печать. Наконец лорд Гертфорд решился вставить свое слово

и, преклонив колено, сказал:

– Простите мою смелость, государь, но позвольте напомнить Вашему Величеству, что вы тогда же, в моем присутствии и в присутствии многих других свидетелей, изволили передать печать на хранение Его Высочеству принцу Валлийскому впредь до того дня, когда…

– Да, да, совершенно верно! – перебил с живостью король. – Принесите же мне ее скорей! Торопитесь: время не терпит.

Лорд Гертфорд полетел к Тому, но скоро вернулся смущенный и с пустыми руками.

– Мне крайне прискорбно огорчить Ваше Величество, – с волнением начал лорд Гертфорд, – но недуг, ниспосланный Богом Его Высочеству, не проходит, и принц не помнит даже, чтоб вы ему отдавали печать. Я осмелился немедля доложить об этом Вашему Величеству, так как время не ждет, и мы только даром теряли бы его, разыскивая печать в многочисленных апартаментах принца…

Мучительный стон короля прервал речь лорда Гертфорда. Спустя несколько минут Его Величество промолвил с глубокой грустью:

– Не беспокойте его больше, бедняжку. Десница Господня тяжко испытывает его, и сердце мое мучительно скорбит за того, чье бремя я охотно принял бы на свои старые, изможденные плечи.

Глаза короля закрылись; он опять что-то тихонько забор-

мотал и наконец умолк. Немного погодя он снова открыл глаза; помутившийся взгляд его скользнул по лицам присутствующих и остановился на коленопреклоненном лорде-канцлере.

– Как, ты все еще здесь! – воскликнул Его Величество, и лицо его вспыхнуло гневом. – Клянусь Богом, ты не торопишься покончить с этим изменником! Смотри, – берегись, как бы тебе не поплатиться за него своей головой!

– Смилуйтесь, пощадите, Ваше Величество! – взмолился трепещущий лорд-канцлер.

– Где же твоя голова, милорд? Разве ты не знаешь, что малая государственная печать, которую я прежде имел обыкновение брать с собой в путешествие, хранится в моей сокровищнице? Большой печати нет, – обойдемся и малой! О чем тут думать?! Ступай! Да смотри – не являться ко мне на глаза без его головы!

Бедный лорд-канцлер поспешил убраться подобру-поздорову от опасного соседства. Комиссия, разумеется, тоже не замедлила скрепить приговор покорного парламента и на следующий же день назначила казнь первого пэра Англии, несчастного герцога Норфолька.

Глава IX
Праздник на реке

В десять часов того же вечера весь огромный дворцовый фасад, выходящий на реку, был залит огнями. Да и сама река по направлению к Сити, насколько хватало глаз, была сплошь усеяна лодками и барками, разукрашенными разноцветными фонарями, которые тихо покачивались на волнах, напоминая большой пестрый цветник, колеблемый легким ветерком. Широкая дворцовая терраса с каменной лестницей, спускавшейся к самой реке, – достаточно обширная, чтобы вместить целую армию небольшого германского княжества, – представляла очень живописную картину со своими двумя рядами королевских алебардщиков в блестящем вооружении и с толпой нарядных слуг, которые торопливо сновали взад и вперед, оканчивая последние приготовления.

Но вот, по данному сигналу, терраса мигом опустела. Даже в воздухе чувствовалось какое-то напряженное ожидание. Насколько можно было окинуть глазом несметную толпу теснившегося в лодках народа, было видно, что все встали как один человек и, прикрывая глаза рукой от яркого света фонарей и факелов, с жадным любопытством смотрели в сторону дворца. Штук сорок-пятьдесят королевских катеров вереницей потянулись к лестнице. Катера были все раз-

золочены и украшены искусной резьбой по корме и на носу; некоторые – расцвечены вымпелами и флагами; другие – убраны золотою парчой и дорогими тканями с затканными по ним гербами; на третьих развевались шелковые флаги с бесчисленным множеством серебряных колокольчиков, мелодично позванивавших при каждом дуновении ветерка; у четвертых, наконец, – особенно пышных и богатых, потому что они предназначались для самых приближенных к особе принца вельмож, – красовались по бокам великолепные щиты с художественными фамильными гербами. Каждый катер шел на буксире у гребной барки, в которой, кроме гребцов, помещался отряд воинов в блестящих шлемах и латах и хор музыкантов.

Наконец из главного входа показалась голова ожидаемой процессии. Впереди шел отряд алебардщиков в длинных темно-красных с черным чулках в обтяжку, в кокетливых бархатных шапочках, схваченных сбоку серебряной розой, и темно-красных с синим камзолах с вышитым золотом на груди и спине тремя перьями – гербом принца. Рукоятки всех алебард были обтянуты алым бархатом с вышитыми на нем золотыми гвоздиками и украшены золотыми кистями. Отряд выстроился двумя шпалерами вдоль лестницы, от главных дверей вплоть до самой реки. Слуги в пунцовых с золотом ливреях проворно разостлали в промежутке между двумя рядами солдат прекрасный пушистый ковер. Тогда из дворца раздались звуки труб, музыканты на барках подхватили

веселую мелодию, и из главного дворцового входа, выступая торжественным, размеренным шагом, показались: впереди два пристава с белыми булавами; за ними два офицера – один с жезлом города, другой с городским мечом; потом шли разные чины городской гвардии в полной парадной форме с вышитыми на рукавах значками; первый кавалер ордена Подвязки; рыцари ордена Бани, с белыми перевязями на рукавах, и за ними их свита; судьи в пурпурных плащах и беретах; лорд первый канцлер Англии в накинутой на плечи пурпурной мантии, отороченной мехом; депутации альдерменов в алых камзолах и начальники всевозможных гражданских учреждений в полной парадной форме. За ними выступали двенадцать французских сановников в роскошных нарядах: в белых, шитых золотом, парчовых камзолах, в коротких алых бархатных плащах, подбитых фиолетовой тафтой, и в длинных красных чулках. Это были вельможи из свиты французского посланника; за ними следовали двенадцать кавалеров из свиты испанского посланника, – в черном бархате без всяких украшений. Шествие замыкали английские вельможи со своей свитой.

Трубы во дворце заиграли громче; в главных дверях показался дядя наследного принца, будущий великий герцог Сомерсет. На нем был черный с золотом камзол и пурпурный атласный, затканный золотом, плащ, обшитый серебряной сеткой. Он обернулся лицом к двери, снял шляпу с перьями и, почтительно поклонившись всем станом, стал задом

спускаться с лестницы, кланяясь на каждой ступеньке. Трубы грянули еще громче; герольд провозгласил: «Дорогу могущественному, великому лорду Эдуарду, принцу Валлийскому!» Высоко на дворцовых стенах с громовым треском вспыхнула длинная линия огненных языков; оглушительное приветствие несметной толпы пронеслось над рекой, – и в дверях, величественно раскланиваясь на все стороны легким кивком головы, появился Том Канти – герой и невольный виновник всей этой пышной церемонии.

Он был в роскошном белом атласном камзоле, отороченном горностаем, с пурпурной, залитой бриллиантами, вставкой на груди. С плеч его спускался белый плащ, затканный гербами принца с тремя золотыми перьями, подбитый голубым атласом, расшитый по краям жемчугом и драгоценными камнями и пристегнутый на плечах бриллиантовыми аграфами. Грудь украшали спускавшийся с шеи орден Подвязки и другие иностранные ордена. При свете ярких огней все эти драгоценности сияли ослепительным блеском. Ах, что это была за картина! Ты ли это, Том Канти, рожденный в лачуге, выросший в лондонских канавах, с детства привыкший к грязи, нужде и лохмотьям!

Глава X
Принц в беде

Мы расстались с Джоном Канти в ту минуту, когда он тащил по улице отбивавшегося принца при громких, восторженных криках оффаль-кордских зевак. В толпе нашелся только один человек, решившийся замолвить словечко за бедного пленника. Но никто не обратил на него внимания; навряд ли даже кто-нибудь его слышал – так оглушителен был шум. Возмущенный грубым обращением, которому он подвергался, принц продолжал отчаянно бороться, отстаивая свою свободу. Тогда Джон Канти потерял весь свой скудный запас терпения и свирепо замахнулся на него своей здоровенной дубиной. Единственный защитник бедного мальчика бросился вперед и успел схватить за руку рассвирепевшего Канти, так что удар пришелся по собственному кулаку негодяя.

– А, так ты соваться не в свое дело? – яростно заревел Канти. – Вот же тебе, получай!

Тяжелая дубина опустилась на голову заступника. Раздался глухой стон, и какая-то темная масса рухнула на землю к ногам толпы. Через минуту она лежала одиноко, распростертая среди густого мрака. Веселая толпа поспешно разбрелась, нимало не смущаясь такой непредвиденной развяз-

кой.

Принц очутился в лачуге Джона Канти, и дверь за ним захлопнулась. При тусклом, мерцающем свете сальной свечи, вставленной в бутылку, он мог рассмотреть жалкую конуру, куда он попал, и ее обитателей. Забившись в угол, две грязные, оборванные девушки и пожилая женщина сидели, прижавшись друг к другу, с видом животных, привыкших к жестокому обращению и ожидающих удара. Из другого угла выглядывала отвратительная старая ведьма с растрепанными седыми космами и злыми глазами. Джон Канти обратился к старухе:

– На-ка, полюбуйся на эту комедию! Позабавься, коли понравится, да выколоти из него хорошенько эту дурь… Пойди сюда, дуралей! Повтори свои дурацкие сказки, если еще помнишь. Как тебя зовут? Кто ты такой?

Краска обиды и гнева залила лицо принца; он с презрением взглянул в лицо своему оскорбителю и твердо отвечал:

– Ты невежа и не смеешь так со мной обращаться. Я тебе уже сказал и опять повторяю: я – Эдуард, принц Валлийский, – и никто другой.

Этот ответ так поразил старую ведьму, что ноги ее точно приросли к полу. Вытаращив глаза, она замерла на месте с таким уморительным видом, что ее сын покатился от хохота. Совершенно иначе подействовали слова мальчика на трех остальных женщин. Позабыв свой недавний страх, они бросились к нему со страшным криком:

– Что с тобой, милый Том? Что с тобой, наш бедный мальчик?

Мать опустилась на колени перед принцем и, положив ему руки на плечи, долго и тревожно вглядывалась сквозь слезы в его лицо.

– Бедный мой мальчик, – сказала она наконец, – бедное мое дитятко! Эти дурацкие книги сделали свое дело – доконали-таки тебя. Так я и знала! Недаром я тебя просила не зачитываться книгами… За что же ты разбил мое бедное сердце?

Принц посмотрел ей в лицо и кротко ответил:

– Успокойся, бедная женщина, твой сын здоров и в здравом уме. Отведи меня к нему во дворец, и король, мой отец, сейчас же вернет тебе твоего Тома.

– Король – твой отец! Бедный мой мальчик! Не повторяй этого, а то мы все пропали! Забудь, что ты сказал! Опомнись, взгляни на меня, мой милый! Разве ты не узнаешь свою мать, которая тебя так нежно любит?

Принц покачал головой и вымолвил с грустью:

– Бог свидетель, как мне жалко тебя огорчать, но, право, я в первый раз тебя вижу.

Мистрис Канти в изнеможении опустилась на пол и, закрыв лицо руками, разразилась отчаянными рыданиями.

– Вот так комедия! – заревел Канти. – Эй, вы, Бет и Нан! Что же вы стоите в присутствии принца, невежи! На колени, нищие! Кланяйтесь ему в ноги!

И он опять закатился лошадиным хохотом. Девушки сделали робкую попытку заступиться за брата.

– Отпусти его спать, отец, – сказала Нани, – пожалуйста, отпусти! Вот увидишь, что после сна у него все пройдет; он выспится и завтра будет здоров.

– Отпусти его, отец, – добавила Бетти. – Посмотри, как он измучен. Он проспится, опомнится, пойдет завтра собирать милостыню и никогда больше не придет с пустыми руками.

Это последнее замечание отрезвило Джона Канти от припадка дикой веселости и дало деловое направление его мыслям. Он злобно обратился к принцу:

– Завтра мы должны платить за квартиру; нужно два пенса, слышишь? Этакая уйма денег за эту нору, и всего-то за полгода! Надо заплатить, не то нас выгонят. Ну-ка, чем ты порадуешь нас сегодня, лентяй?

– Не смей мне говорить о твоих скаредных делах! – отвечал принц. – Ты оскорбляешь меня. Сказано тебе, что я королевский сын!

Тяжелый кулак Джона Канти, опустившийся на плечо бедного мальчика, заставил его пошатнуться и сбил бы с ног, если бы мистрис Канти не подхватила его в объятия и не прикрыла бы своим телом от града посыпавшихся на него ударов. Девочки в страхе забились в угол; бабушка поспешила на помощь своему сыну. Принц вырвался из рук мистрис Канти.

– Я не допущу, чтобы ты страдала за меня, – сказал он. –

Пусть эти скоты потешаются надо мной, если им нравится.

Эти слова привели «скотов» в такую ярость, что они набросились на свою жертву с удвоенным рвением. Натешившись вволю над бедным мальчиком, они не дали спуску и его непрошенным заступницам – матери и сестрам.

– Ну, а теперь живо по местам! – сказал Канти. – Я устал как собака.

Свечу сейчас же погасили, и семья разошлась на покой. Как только громкий храп главы дома и его маменьки возвестил, что они спят, девочки тихонько прокрались к тому месту, где лежал принц, и заботливо прикрыли его кое-каким тряпьем; следом за ними пробралась к нему мать; она нежно гладила его волосы, плакала над ним, нашептывала ему ласковые слова, утешала его. Она приберегла для него кое-какие объедки, но усталость и боль от побоев отняли у мальчика всякий аппетит – по крайней мере, к черствому черному хлебу. Он был тронут состраданием и самоотверженным заступничеством доброй женщины и благодарил ее с чисто царственным достоинством. Потом он стал просить ее успокоиться и идти спать, пообещав, что король, его отец, по-царски наградит ее за ее доброту. Это новое доказательство «безумия» сына так взволновало бедную мистрис Канти, что она долго не могла с ним расстаться; снова и снова прижимала она к себе своего бедного мальчика и наконец, заливаясь горькими слезами, отправилась на свое место.

В то время как бедная женщина лежала на своей посте-

ли без сна, в мучительном раздумье, в душу ее стало прокрадываться сомнение, завладевшее понемногу всеми ее помыслами, – сомнение в том, действительно ли этот мальчик был ее сыном? Она не могла дать себе ясного отчета, почему ей казалось, что это не Том, но чуткий материнский инстинкт подсказывал ей, что ее подозрения верны. Неужели это не ее сын? Какой вздор! Она чуть не улыбнулась при этой мысли, несмотря на все свое горе. Но как она ни старалась отогнать от себя этот вздор, запавшее ей в душу подозрение продолжало упорно преследовать ее и терзать. Наконец она убедилась, что ей все равно не успокоиться, пока она так или иначе не развеет своих сомнений и не удостоверится, что этот мальчик ее сын. Да, конечно, удостовериться необходимо. Но как это сделать? Ей нужно точное, неоспоримое доказательство; только тогда уляжется ее мучительная тревога. А где его взять? Задумать легче, чем исполнить. Мистрис Канти думала и передумывала, перебирая всевозможные способы испытаний, но ни один из них ее не удовлетворял. Видно, она напрасно ломала себе голову, и придется это оставить. Когда она пришла к этому печальному заключению, до слуха ее донеслось ровное дыхание спящего мальчика. Она невольно стала прислушиваться. Вдруг мальчик дико вскрикнул, как это часто бывает в тревожном сне. Это случайное обстоятельство навело ее на счастливую мысль. Она мигом вскочила с постели и с лихорадочной поспешностью, беззвучно принялась за дело. Она потихоньку зажгла свечу,

бормоча про себя: «И как это я раньше не догадалась! Как не подумала об этом! С того самого дня, как ему опалило порохом лицо (он был тогда еще крошкой), он каждый раз при испуге или спросонья, если его неожиданно разбудить, делает, как и в тот день, одно и то же движение: закрывает себе глаза рукой, но не так, как все, – ладонью внутрь, а както вывернув ее наружу. Я это видела сотни раз, и у него этот жест всегда один и тот же. Да, да, теперь наконец я могу убедиться!»

Осторожно прикрыв свечу рукой, она подкралась к спящему принцу и, затаив дыхание, нагнулась над ним. Вся дрожа от волнения, она резко отняла руку, так что свет упал ему прямо в глаза, и громко постучала пальцами об пол у самого его уха. Мальчик широко открыл глаза, испуганно осмотрелся, – но не сделал характерного движения рукой.

Бедная мистрис Канти страшно растерялась, но подавила свое волнение и постаралась успокоить разбуженного мальчугана. Когда он уснул, она потихоньку пробралась к себе на постель и горестно задумалась над печальным результатом своего опыта. Она старалась убедить себя, что сумасшествие заставило Тома забыть привычный жест, но она сама этому не верила. «Пусть он безумный, – думала она, – но ведь руки-то у него здоровые; не могли же они в такой маленький срок отвыкнуть от такой старой привычки. Боже мой, Боже мой, что за несчастный сегодня день!»

И несмотря на это, надежда в душе бедной женщины дер-

жалась теперь так же упорно, как упорно одолевали ее недавно сомнения. Она не решалась принять приговор за окончательный: разве у нее были неоспоримые доказательства? Разве ее опыт не мог быть простой случайностью? Она разбудила мальчика во второй и в третий раз, но получила те же результаты. Наконец, совершенно измученная, она дотащилась до своей постели. Забываясь тяжелым сном, она прошептала: «А все-таки я его не покину – я не могу, не могу его покинуть, – это должен быть мой сын!»

Как только мистрис Канти прекратила свои опыты и перестала будить бедного принца, он стал забываться; ноющая боль во всем теле понемногу утихла, и он уснул спокойным, освежающим сном. Время бежало; прошло часов пять. Мало-помалу мальчик стал выходить из своего оцепенения и наконец пробормотал сквозь сон:

– Сэр Вильям!

Потом опять, уже громче:

– Сэр Вильям Герберт! Подите сюда; послушайте, какой мне приснился страшный сон… Сэр Вильям, где же вы? Представьте, мне снилось, что я нищий и… Эй, кто тут есть? Стража! Сэр Вильям! Где же вы? Где дежурный лакей? Куда он запропастился? Нет, это им даром не сойдет…

– Что с тобой? – прошептал кто-то над самым ухом. – Кого ты зовешь?

– Сэра Вильяма Герберта. А ты кто такая?

– Я? Сестра твоя Нани. Кем же мне еще быть? Ах, Том,

ведь я и забыла! Ты – сумасшедший, бедняжка! Лучше бы мне никогда не просыпаться, чтобы не вспоминать об этом! Смотри же, милый, пожалуйста, не болтай пустяков, а то он всех нас до смерти заколотит.

Принц в испуге вскочил на ноги, но острая боль от вчерашних побоев – он чувствовал ее во всем теле – заставила его с громким стоном упасть на солому.

– Боже мой, так это не сон! – воскликнул он горестно.

В тот же миг ужас и отчаяние воскресли в нем с новой силой, и он разом понял, что он уже не прежний избалованный, обожаемый принц, на которого с любовью устремлялись взоры целого народа, а презренный бедняк, нищий-оборвыш, пленник в этой клетке диких зверей, в этом притоне воров и бродяг.

Пока принц горевал таким образом, до слуха его долетел громкий шум и крики, раздававшиеся где-то неподалеку. Минуту спустя послышался стук в дверь. Джон Канти перестал храпеть и спросил:

– Кто там? Что надо?

– Знаешь ли, кого ты вчера угостил своей дубинкой? – крикнул голос снаружи.

– Не знаю, да и знать не хочу.

– Напрасно, брат; если бы ты знал, так запел бы другое. Ну да что уж там: спасай свою голову, беги, пока не поздно. Этот человек отдает Богу душу, – это отец Эндрю!

– Господи, спаси и помилуй! – воскликнул Канти. В один

миг он был на ногах и поднял всю семью.

– Живо спасайся, кто может, – скомандовал он хриплым голосом, – а не хотите – околевайте здесь одни!

Не прошло и пяти минут, как вся семья была на улице, спасаясь бегством. Джон Канти крепко держал за руку принца и тащил его за собой, грозным шепотом отдавая ему приказания:

– Смотри у меня, дуралей, держать язык за зубами! Не проболтайся, как наша фамилия. Я придумаю себе другую, чтобы сбить со следа этих негодяев. Смотри же, хорошенько заруби себе это на носу!

И, обернувшись к остальным членам семьи, он добавил:

– Если случится, что мы разбредемся, – сборный пункт будет на Лондонском мосту. Ожидать друг друга у последней суконной лавки и уж оттуда всем двигаться в Соутворк.

В эту минуту вся компания, вынырнув из полного мрака, неожиданно очутилась среди яркого освещения и несметной толпы, теснившейся на берегу реки с песнями, плясками и криками. Вдоль Темзы, насколько можно было видеть простым глазом, тянулся бесконечный ряд ярких потешных огней. Лондонский и Соутворкский мосты были иллюминированы; река пылала от горящих ракет. Ослепительные фейерверки то и дело прорезывали небо яркими молниями и падали вниз целым дождем сверкающих искр, превращая ночь в день. На каждом шагу попадались кучки подгулявшего народа; казалось, весь Лондон повысыпал из домов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.